

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко

Олег Николаевич Владимиров

Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия
oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Аннотация

Фабулы книг К. Сергиенко составляют странствия героев, как правило, рассказчиков и участников событий личной и национальной истории. В повестях для подростков приключения героев имеют характер их инициации («Кеес Адмирал Тюльпанов», «Увези нас, Пегас!», «Тетрадь в сафьяновом переплёте») или соответствуют генетически с ней связанному сюжету о блудном сыне («Дом на горе»). В обоих случаях свобода передвижения героев во многом мотивирована их сиротством.

Чаще всего главные герои, юные и взрослые, путешествуют инкогнито. Этот мотив вводится в первой повести и становится одним из сюжетообразующих. Обязательная составляющая почти всех книг – загадка женского персонажа. В «Бородинском пробуждении» тайн несколько: для главного героя – тайна Берестова; он сам, ставший Берестовым в событиях накануне и во время Бородина и не называющий себя в настоящем времени; тайна Наташи; мистификация Леппиха. Инкогнито странствует безымянный герой «Белого ронделя». В этом же ряду и тайна происхождения Насти, так и оставшаяся для нее тайной («Тетрадь...»). «Загадочны» героини в «Доме на горе». Остается не известной читателю предыстория появления Гордого в овраге («До свидания, овраг»). В некоторых повестях с тайной героя связана тайна места. Герои странствуют со спутниками – Кеес и Рыжий Лис, Почивалов и Осоргин, Берестов и Листов, Майк и Моррис, господин Сочинитель и сударь Котёнок и др.

В комплекс обязательных мотивов в исторической прозе Сергиенко, обозначенных в «Кеесе...», входит мотив ответственности героя за судьбу страны («Бородинское пробуждение», «Ксения» и др.). С этим мотивом связан мотив мечты героев о земле обетованной, идеальном городе и мотив жертвенности.

Тюльпан в первой повести, еще не известный голландцам, обернется цветком с его чудодейственными свойствами в ряде произведений. Цветочно-букетный мотив особо значим в «Доме на горе». В этой же повести на передний план выходит и другой мотив прозы Сергиенко – звездный. Некоторые из периферийных мотивов становятся ведущими в отдельных книгах (мотивы малинового берета, Голландии, Моцарта и Сальери и др.).

Бездомье, неустойчивость существования героев дает им возможность самореализации, хронике событий – перерасти в биографию, а потом и в автобиографию. В основе большинства произведений Сергиенко – сюжеты плутовского, рыцарского романа

© Владимиров О. Н., 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 103–115
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 103–115

Сюжет в литературе и фольклоре

и романа воспитания, осложненные другими сюжетами. Повесть «Фарфоровая голова» свидетельствует о поисках писателем новых путей в сюжетостроении, вызванных переосмыслением романтической позиции борьбы с хаотической действительностью и возвышения над ней.

Ключевые слова

К. Сергиенко, сюжет, мотив, формы повествования, автор и герой

Для цитирования

Владимиров О. Н. Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 103–115. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko

Oleg N. Vladimirov

Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University

Novokuznetsk, Russian Federation

oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Abstract

The stories of K. Sergienko's books make up the wanderings of heroes, as a rule, storytellers and participants in the events of personal and national history. In stories for teenagers, the adventures of the heroes have the character of their initiation: "Kees Admiral Tulipov" ("Кеес Адмирал Тюльпанов"), "Take us away, Pegasus!" ("Увези нас, Перас!"), "Notebook bound in morocco" ("Тетрадь в сафьяновом перплёте"). Or they correspond to the genetically related story about the prodigal son ("House on the Hill" – "Дом на горе"). In both cases, the characters' freedom of movement is largely motivated by their orphanhood. Most often, the main characters, young and old, travel incognito. This motive is introduced in the first story and becomes one of the plot-forming ones. An obligatory component of almost all books is the mystery of the female character. There are several secrets in "Borodino Awakening" ("Бородинское пробуждение"): for the main character – the secret of Berestov; he himself, who became Berestov in the events on the eve and during Borodin and does not call himself in the present tense; Natasha's secret; hoax Leppich. The unnamed hero of "The White Rondel" ("Белый рондель") wanders incognito. In the same row, and the secret of the origin of Nastya, and remained a secret for her ("Notebook..."). "Mysterious" heroines in "House on the Hill". The prehistory of the appearance of the Proud in the ravine ("Good-bye, ravine") remains unknown to the reader. In some stories, the secret of the place is associated with the secret of the hero.

Heroes travel with companions – Kees and Red Fox, Pochivalov and Osorgin, Berestov and Listov, Mike and Morris, Mr. Writer and Mr. Kitten, etc.

The complex of obligatory motives in the historical prose of Sergienko, indicated in "Kees...", includes the motive of the hero's responsibility for the fate of the country ("Borodino Awakening", "Xenia" ("Ксения"), etc). This motive is associated with the motive of the heroes' dreams of the promised land, the ideal city and the motive of sacrifice.

The tulip in the first story, not yet known to the Dutch, will turn into a flower with its miraculous properties in a number of works. The flower-bouquet motif is especially significant in the "House on the Hill". In the same story, another motive of Sergienko's prose comes to the fore – the star motive. Some of the peripheral motives become leading in individual books (the motives of the crimson beret, Holland, Mozart and Salieri, etc.).

Homelessness, the instability of the heroes existence gives them the opportunity for self-realization, the chronicle of events – grows into a biography, and then into autobiography. Most of Sergienko's works are based on the plots of a roguish, chivalrous novel and a novel

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

of education, complicated by other plots. The story “Porcelain Head” (“Фарфоровая голова”) testifies to the writer’s search for new ways in plot construction, caused by the rethinking of the romantic position of fighting against chaotic reality and rising above it.

Keywords

K. Sergienko, plot, motive, narrative forms, author and hero

For citation

Vladimirov O. N. Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 103–115. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Один из возможных и предположительно продуктивных аспектов изучения почти не исследованных произведений К. Сергиенко¹ – рассмотрение особенностей их сюжетостроения. Сюжетно-композиционное мастерство – едва ли не основная стилевая особенность книг писателя, акцентируемая поэтому в аннотациях к ним (см., например, характеристики первой повести: «Запутанная интрига и элементы детектива <...>, необыкновенные приключения <...>, неожиданные повороты повествования – всё это делает книгу живой и интересной» (Сергиенко, 1975, с. 2)).

Независимо от тематики книг – исторических, историко-приключенческих, любовных, сказочных – их фабулы составляют странствия (путешествия, бродяжничество) героев. В соответствии с традицией таких произведений последовательное развитие событий в них усложняется отдельными ретроспекциями, вводными рассказами (письмами, дневниками, историями, легендами и др.); в «Тетради в сафьяновом переплёте» линейная структура повествования, например, подчеркивается самой формой дневника (путевых заметок), стилизующей повесть под сентименталистское произведение XVIII в. Не нарушаются причинно-следственные связи в развитии действия и в основной части «Бородинского пробуждения»: здесь воспроизводится реальная хронология событий, а не ожидаемая прихотливо-ассоциативная алогичность сновидения героя. Два рассказчика поочередно знакомят читателей со своими приключениями в сказочной повести «Жизнь на крышах...», но художественное время остается при этом однонаправленным.

Странствующий герой является рассказчиком (кроме «Ксении» и «Иванова чертежа») и участником событий личной и национальной истории. Это важнейший сюжетообразующий мотив, с которым связан комплекс других, обязательных и факультативных, заданных первой повестью. В подростковых повестях писателя приключения героев или имеют характер их инициации («Кеес...»), «Увези нас, Пегас!», «Тетрадь...», «Иванов чертёж»), или соответствуют генетически с ней связанному сюжету о блудном сыне («Дом на горе»). В обоих случаях свобода

¹ Данное исследование опирается на следующие произведения К. Сергиенко: «Кеес Адмирал Тюльпанов» (1975), «Бородинское пробуждение» (1977), «Увези нас, Пегас!» (1979), «До свидания, овраг» (1979), «Картонное сердце» (1981), «Белый рондель» (1983), «Дни поздней осени» (1983), «Побочный эффект» (1983), «Дом на горе» (1986), «Ксения» (1987), «Иванов чертёж» (1987), «Тетрадь в сафьяновом переплёте» (1989), «Самый счастливый день» (1989), «Фарфоровая голова» (2000), «Жизнь на крышах» (дату написания и первого издания этой сказки установить не удалось; известная нам ее публикация – в книге: *Сергиенко К. К. Картонное сердце: Повести*. СПб.: Лимбус Пресс, 1998).

передвижения героев во многом объясняется их сиротством. Сиротами являются Кеес (точнее, ему «довелось побыть сиротой» до встречи с отцом), Эле и фактически Рыжий Лис, Майк и Моррис Аллен, Мари и Хетти, негритёнок Вик, по прихоти хозяина разлученный с матерью («Увези нас, Пегас!»), Митя Суханов и его друзья из «Братства независимых» («Дом на горе»), Михаил Туренев («Ксения»), Ивашка («Иванов чертёж»), Дмитрий Почивалов («Тетрадь...»), сударь Котёнок («Жизнь на крышах...»).

Странники-сироты бездомны или уходят из дома, или их существование неустойчиво и неопределенно. «Я-то перекасти-поле, оторванный лист»², – характеризует себя пятнадцатилетний бродяга Майк. Митя Суханов называет себя и других «питомцев Горы» «вольными пташками». «Все мы вольные псы» (Сергиенко, 1998, с. 9), – говорит о себе и других обитателях оврага Гордый в повести «До свидания, овраг» и философски оценивает свою и их участь: «...собачья судьба как головка пушарика» (одуванчика) (Сергиенко, 1998, с. 43). Бездомны Туренев, Ивашка, пёс Гордый, Картонный человек. В других случаях рассказчики уходят из дома и возвращаются домой или в заменяющий его интернат (Кеес, Митя Суханов). В «Жизни на крышах...» герои предпринимают «кругосветное» путешествие.

Приемы знакомства с происхождением этих героев различны, но всегда их предыстория сокращена. Ее отсутствие у Алексея в «Днях поздней осени» соответствует его тайне; он иногда появляется на своей даче, в остальное время не обитаемой, а его городской адрес остается неизвестным. «Глубокоуважаемый путник, точнее сказать, путешественник, а может быть, просто прохожий...» (Сергиенко, 1998, с. 62), – обращается Деревянный Ящик к неизвестно откуда появившемуся Картонному Человеку в повести-сказке «Картонное сердце». «Я и вправду не знал, откуда я шёл. Просто не помнил. Но как же так? Я всё-таки пришёл – значит, пришёл откуда-то» (Сергиенко, 1998, с. 89), – рассуждает Картонный Человек в разговоре с Девочкой. Этот мотив – неприкаянность бездомного героя-сироты – развивает традицию романа воспитания.

Многовариантность доминирующего мотива странствий объяснима разными причинами. В первой повести это осознанная двенадцатилетним героем потребность участвовать в освобождении родной Голландии от испанского владычества. «Да, я был путешественником, я всем представлялся как путешественник, но отчасти играл эту роль, поскольку до сих пор не знал своего назначения» (Сергиенко, 1983, с. 37), – признаётся взрослый герой в начале «Белого ронделя». Призвание свое, поддержанное любовью к Анне, он находит в помощи угнетенным эстонцам. Непреодоленная любовь к загадочной Лесте движет и Николаем Николаевичем в «Самом счастливом дне». Дмитрий Почивалов путешествует по югу России с молодым графом Осоргиным по желанию последнего. Героя «Побочного эффекта», москвича, современника автора, потянуло в Ригу, которую он любил в период осенних дождей. «Бездомным и сирым» Туреневу и Ивашке помогают найти свое место в жизни счастливые случаи. Судьбоносный случай приводит Майку в сад Бланшаров, а Гордого – в овраг и сводит его с Человеком. События,

² Сергиенко К. К. Увези нас, Пегас! URL: https://bookscafe.net/read/sergienko_konstantin-uvezi_nas_pegas-83096.html#p1 (дата обращения 30.07.2021). Здесь и далее повесть «Увези нас, Пегас!» цитируется по этому источнику.

участником которых становится герой «Бородинского пробуждения», происходят с ним во сне.

Герои странствуют со спутниками (ровесниками, друзьями, товарищами по несчастью, двойниками, названными братьями) – Кеес, Рыжий Лис, Караколь и Эле, Почивалов и Осоргин, Берестов и Листов, Туренев и принц Иоганн, Майк и Моррис, Чихни-Понюхай и Кривой Початок, Митя Суханов и Роман Корнеев, господин Сочинитель и сударь Котёнок и др. Эта традиционная черта книг-путешествий для первой повести могла быть подсказана парой Тиль Уленшпигель – Ламме Гудзак из романа де Костера (в «Кеесе...» и «Тиле Уленшпигеле» изображается народное сопротивление испанскому господству во Фландрии и Нидерландах XVI в.).

Чаще всего главные герои, юные и взрослые, путешествует инкогнито. Этот мотив вводится в первой книге (при знакомстве с Кеесом Рыжий Лис признаётся ему, что он «путешествует инкогнито» (Сергиенко, 1975, с. 91)) и становится одним из сюжетообразующих в творчестве писателя. Здесь инкогнито, как и не сразу открывающийся герою тайны злодея Слимброка («Мало того, что незабвенный Лисов папаша, он же иезуит Герциано, одновременно был Адрианом Слимброком, лейденским сукноделом. В эту компанию прибавился ещё Огневик, которого так боялась Эле. И всё это был один человек» (Сергиенко, 1975, с. 168)) и Эле, связаны не с главным героем, в отличие от следующих произведений. Не раскрывают своих имен странники в «Бородинском пробуждении», «Белом ронделе», «Побочном эффекте», остается не известным полное имя Майка в повести «Увези нас, Пегас!»).

Обязательная составляющая почти всех книг писателя – загадка женского персонажа. Наташа в «Бородинском пробуждении» является предметом поисков героя («Это и загадка и надежда одновременно» (Сергиенко, 1990, с. 112)). Она в этой книге столь же загадочна, что и героини других повестей («Тетрадь в сафьяновом переплёте», «Белый рондель», «Самый счастливый день»). Как и герой, она – бессмертна (см. рассуждения Лепихина о медальоне столетней давности (Сергиенко, 1990, с. 153); портрет на медальоне рисовал Берестов, на медальоне – «мать ее (Наташи. – О. В.) бабушки»; о медальоне см. и в другом месте (Сергиенко, 1990, с. 185–186)). В отличие от героинь названных повестей, она не действующий персонаж, ее вспоминает «я», о ней говорят другие.

С загадкой Наташи в «Бородинском пробуждении» связаны тайна Берестова; главного героя, ставшего Берестовым в событиях накануне и во время Бородина и не называющего себя в настоящем времени; мистификация Лепиха – Шмидта – Лепихина. Инкогнито странствует безымянный герой «Белого ронделя». Причина его очередного появления в Дерпте и участия в совпавших с этим событиях – тайна Анны. Но у героя есть и другая тайна – «ларца Рорбаха», которой дед поделился с ним в детстве; здесь герой открывает ее, и в нужный момент, когда «всё сошлось», «золото Рорбаха вернулось к потомкам тех, у кого он его отнял» (Сергиенко, 1983, с. 243). В этом же ряду и тайна приобретения паровоза Моррисом («Увези нас, Пегас!»), тайна происхождения Насти-Анастасии, так и оставшаяся для нее неразгаданной («Тетрадь...»). «Загадочны» героини в «Доме на горе»: Маша для Мити Суханова, его мать для Данилова, Непостижимая для Барона. Но в этой повести герой узнаёт о своем отце и о действительной причине гибели родителей. «Странное, необычное имя» Леста – у загадочной героини «Самого

счастливого дня». Остается не известной читателю предыстория появления Гордого в овраге, Морриса в Гедеоне.

В повести «Дни поздней осени» он и она меняются местами: для Маши покрыто тайной всё, что связано с Алексеем, в том числе и его дача. Тайна места, легенда о нем значимы и в «Доме на горе», и в «Самом счастливом дне».

Главная же тайна в прозе Сергиенко, отмеченная В. Бахревым в вступительной статье к «Бородинскому пробуждению», – перевоплощающееся в разных произведениях «я»: «Самое непонятное во всех этих историях – полная непредсказуемость очередного воплощения» [Бахревский, 1990, с. 6]. В попытке раскрыть этот секрет В. Бахревский соотносит центрального героя с автором и называет писательское «я» Сергиенко «вечным Путешественником» [Там же, с. 11]. Этот персонаж у Сергиенко, во взрослых своих воплощениях явно тяготеющий к романтическому типу личности, – не просто alter ego писателя или автор под маской. Соотношение автора и его представителя в прозе Сергиенко ближе к их взаимосвязи, обозначенной Д. С. Лихачёвым в его рассуждениях о романе Пастернака. «Доктор Живаго», отмечает ученый, – это «род автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора. <...> Он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы более полно раскрыть свою внутреннюю жизнь» [Лихачёв, 1989, с. 7]. В отличие от предшественника, К. Сергиенко «раскрывает свой внутренний мир» в судьбе не одного, а многих придуманных героев. «Иногда мне кажется, что я ищу самого себя, – признаётся, возможно, устами автора, странник в «Белом ронделе». – Слово бы я разделён на две части и одна потерялась. И вот я рыскаю по дорогам, городам, селениям, горам и лесам, чтобы соединиться с недостающей половиной, а пока не случится этого, я так и не узнаю своего назначения. Скитания мои бесконечны» (Сергиенко, 1983, с. 77).

Такое объяснение тайны героя подтверждают знаки присутствия автора в его текстах.

Многие герои Сергиенко – люди пишущие, автобиографы. Они ими являются или становятся на склоне лет. Кеес и Майк пишут в старости о важнейших событиях своего детства, если не жизни. «Быть может, Гедеон – лучшая страница в моей жизни», – признаётся Майк в заключительной главе повести «Увези нас, Пегас!». Не будет преувеличением сказать, что по воле автора они, в отличие от их друзей, не погибли, чтобы рассказать обо всём пережитом. Кеес лишается старшего друга Караколя, при осаде Лейдена умирают горожане и девочка Боолкин, сестра Михиелькина, товарища Кееса. Так и в «Бородинском пробуждении» на глазах героя погибают многие, умирает и Листов, фактически второе «я» Берестова. «И он (сосновый лес. – *О. В.*), – вспоминает спасшийся от смерти Майк, – принял меня в купель пахучей хвои, чтобы поведать всем историю их (Морриса с Хетти. – *О. В.*) любви». За эрудированным, образованным героем-подростком скрывается не просто взрослый человек, а автор-писатель. Ведет дневник начитанный Митя Суханов, к тому же он переписывает, редактирует «косноязычие безымянного сочинителя» и читает то ли неотправленные письма Данилова, то ли его дневник в форме писем. Другой Митя – Почивалов – ведет путевой дневник по просьбе своего спутника – молодого Осоргина. Дневник и у Маши Молчановой в «Днях поздней осени». В этих двух повестях дневник – основная повествовательная форма, обозначенная в их заглавиях («Тетрадь в сафьяновом переплёте.

Записки Дмитрия Почивалова, сделанные им во время путешествия по Малороссии и Тавриде в 1786 году»; «Дни поздней осени. Дневник Маши Молчановой»).

Интересно, что «Повесть смутного времени (Из рукописной книги князя Туренева)» А. Н. Толстого (1922), откуда, вероятно, взято имя героя для романа «Ксения», написана пожилым князем Туреневым, и речь там – о событиях его детства и юности. В этом же романе приводятся фрагменты из дневника немецкого профессионального наемника Каспара Фидлера, который успел послужить нескольким быстро сменяющим друг друга царям; дневник Фидлера взглядом со стороны на события смутного времени напоминает о «томе» Дубосекова в «Фарфоровой голове».

Способом представления автора, сближенного с его пишущим героем, является сфрагида (точнее параф, сокращенная подпись). В имени героя первой повести – двойная сфрагида: КорнелиС СхааК (начальные и конечные буквы двух имен героя совпадают с первыми буквами имени и фамилии автора). О присутствии автора в этом и других произведениях напоминает и тюльпан: в повести «Увези нас, Пегас!» на Цветочном балу Майк и Моррис «решили стать тюльпанами. Тюльпан означает постоянство». Толкование героем названия цветка сомнительное, но оно совпадает с известным значением имени Константин – постоянный. Образуют параф, вероятно, и инициалы Картонного Сердца («Картонное сердце»), и обращение с именем – сударя Котёнка («Жизнь на крышах...»). В первой из этих сказок повествователь не персонифицирован, но в начале и в конце говорится о «нашей повести»; свой рассказ он передает Картонному Человеку после знакомства с ним, и он же заканчивает его историю. В основной части рассказчики чередуются, как в «Жизни на крышах» господин Сочинитель и ведущий дневник путешествия сударь Котёнок, в свою очередь, своими именами образующие сфрагиду писателя. В фамилии пишущего «труд жизни» Дубосекова в «Фарфоровой голове» тоже, возможно, скрыт авторский параф.

Не будет, думается, натяжкой счесть парафом и Синикуб в «Доме на горе». Синикуб – палиндром «Букиниста», без последней (первой в перевертене) буквы. Эта догадка подтверждается не только плеоназмом «кубически синий» («...магазин на самом деле кубически синий. Снаружи он выкрашен ультрамарином»³: кубовый – синий), но и специализацией магазина и составлением в нем Митей книжного каталога.

Сближает героев с автором их безымянность («Бородинское пробуждение», «Белый рондель», «Побочный эффект») или условные имена: господин Сочинитель («Жизнь на крышах...»), старик Дубосеков (в заключительном абзаце «Фарфоровой головы» приводится единственная в книге цитата из «труда жизни», его завершающая, а последнее слово повести – «Конец» – соединяет всеведение безличного повествователя с субъективизмом не главного, но пишущего героя).

Предположения Кееса о его читателях, о времени, месте, условиях чтения его книжки и его рассуждения о том, что «с книжкой ничего не делается даже за сто лет» (Сергиенко, 1975, с. 120), сравнимы с приснившейся Гордому выпорхнувшей птицей – «той самой, которую он (Человек. – О. В.) вывел своими палоч-

³ Сергиенко К. К. Дом на горе. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/detskiaya-proza/161298-konstantin-sergienko-dom-na-gore.html> (дата обращения 30.07.2021). Здесь и далее повесть «Дом на горе» цитируется по этому источнику.

ками» (Сергиенко, 1998, с. 41), а потом появившейся «на картонке» Человека (Сергиенко, 1998, с. 58). Сюда же можно отнести и характеристику произведения во второй части заглавия «Жизни на крышах»: «...или Достоверная повесть о кругосветном походе». Это отражение мыслей писателя о силе искусства.

О близости героев к автору может свидетельствовать их тайное, интуитивное знание. Им наделены странники «Бородинского пробуждения» (безымянный герой и Листов) из «Белого ронделя»: «Я словно искал, что-то искал, колеся по Европе, и воспоминание о другом странном мире тревожно вливалось в сознание по ночам» (Сергиенко, 1983, с. 37).

Таким образом, «побочный эффект» путешествий – не только неизбежные приключения, часто связанные с риском для жизни (хотя к искателям приключений героев Сергиенко отнести нельзя), не только встречи странников с загадочными, названными или неназванными, героинями, но и их сочинения об этих и других событиях. Поэтому герои движутся по горизонтали географического пространства (даже находясь во сне, как герой «Бородинского пробуждения») и одновременно – по вертикали воспоминаний (памяти, знаний об историческом или легендарном прошлом) в поисках ответов на экзистенциальные вопросы, неизбежно связанные с загадками времени. В одних случаях это поэтизация диалектики мига и вечности: «Так они (гибнущие Моррис и Хетти. – *О. В.*) застыли, обнявшись. Она в белом платье, тоненькая. Он перепачканный сажеей, углем. Они застыли, обнявшись. Их объятие было вечно. А длилось оно секунду-другую». В других – более сложные представления о метафизике времени и пространства см., например, рассуждения Леппиха в «Бородинском пробуждении» и Тарвальда в «Белом ронделе». Леппихин говорит об «изломе временных пучков» в «горячем месте» (Сергиенко, 1990, с. 152). Листов: «Леппих <...> думал о “мираже” времени, наподобие миража, который бывает в пустыне. Знаю только, что для опыта он подыскивал такую же “горячую” точку времени в смысле историческом, как пустыня в климатическом <...>» и далее – о желанной встрече для Леппиха «с человеком, прожившим несколько сотен лет, то есть каким-то образом одолевшим время. Ведь это первое доказательство, что загадка времени разрешима» (Сергиенко, 1990, с. 103). В «Белом ронделе» маэстро Тарвальд в ответ на вопрос героя (пребывающего то ли во сне, то ли в яви) «Много ли толку в скитаниях?» отвечает: «Несомненно! Перемещаясь в пространстве, вы колеблете струны, протянутые от неба к земле. Эти струны незримы, но они рожают музыку бытия. Благодаря таким, как вы, я надеюсь создать гармонию. Ваше назначение каждое лето направляться к Дерпту, минуя определенные города» (Сергиенко, 1983, с. 228). Интуитивно прозревают связь всего сущего герои повестей о любви.

В комплекс обязательных мотивов в исторической прозе К. Сергиенко, обозначенных в «Кеесе...», входит мотив ответственности героя за судьбу страны. Борьба народа за свою независимость, против интервентов – историческая основа этого и ряда других произведений: «Бородинское пробуждение» – об Отечественной войне 1812 года, в «Ксени» важна сюжетная линия противостояния русских польскому нашествию, «Белый рондель» – о борьбе эстонцев с чужеземцами в первой четверти XVII в. «Увези нас, Пегас!» – о гражданской войне в Северной Америке. Не только в произведениях, обращенных к русской истории, но и в других писателем учтена толстовская «скрытая теплота патриотизма»: лейденцы, например, как и все голландцы, знают, против кого и за что они борются, причем

дети вместе с взрослыми; Кеес – Корнелиус Схаак, ссылаясь на хронику Яна Фрейтерса, пишет, что упомянут в ней, а Рыжий Лис назван «каким-то человеком»; приехавший на праздник в Лейден Молчаливый (Вильгельм Оранский) не узнал того, кому он подарил алый берет. История творится маленькими людьми, а не только вождями и полководцами.

Айгар Вахеметса в послесловии к «Белому ронделю» пишет о «высокой нравственной идее» этой повести, присущей, на наш взгляд, всем историческим произведениям писателя, – «ответственности личности за судьбы истории» [Вахеметса, 1983, с. 247]. Этот мотив актуализирован в «Бородинском пробуждении» и «Ксении». В первом герой знает об «эффекте бабочки» и преодолевает соблазн вмешаться в известные ему события прошлого, как знает об этом эффекте Раймонд Грот («Побочный эффект»), не разрешающий поэтому герою подарить девушке-москвичке из девятнадцатого века репродукцию ее портрета. В романе «Ксения» вымышленный персонаж Михаил Туренев, представленный как историческое лицо и принимающий непосредственное участие в событиях начала XVII в., уравнивается в правах с подлинными деятелями «смутного времени».

С мотивом действительного участия в судьбе государства связан мотив мечты (проекта строительства) героев о земле обетованной, идеальном городе («Кеес Адмирал Тюльпанов», «Тетрадь...», «Увези нас, Пегас!», «Белый рондель», «Ксения», «Дом на горе», «До свидания, овраг»). Выдуманное Рыжим Лисом «герцогство Аренландское» проявится дальше; в мечте предводителя эстонцев Марта Медведя построить свой город и в желании безымянного героя возвести среди квадратных круглую башню для Анны («Белый рондель»); в стремлении «преуспевающего в науке зодчества» Михаила Туренева («Ксения») создать идеальный город в споре с утопическими проектами европейских современников и приступившего к его строительству. «Найти собачью дверку – мечта каждого пса <...> За этой дверкой совсем другая жизнь» (Сергиенко, 1998, с. 17), – уверен Гордый и находит заветную «собачью дверку» во сне. «К далекой звезде, открывшей для них (лебедей. – О. В.) свое милосердное сиянье», устремлен взгляд Мити Суханова. Господин Сочинитель в «Жизни на крышах» собирается писать о «летающей девочке, о розовых далях, о новой счастливой жизни» (Сергиенко, 1998, с. 244).

В круг этих мотивов входит и мотив жертвенности. Караколь умирает, защищая Эглантиду от выстрела донна Рутилио. В последний момент Моррис толкает Майку из будки «Пегаса» перед его столкновением со «Страшилой», а сам погибает; участь Морриса разделяет не желающая с ним расставаться Хетти; оба друга готовы были погибнуть ради спасения негров. Умирает от пули Фидлера Михаил Туренев, защищая от ливонских наемников лечебницу Ксении. Сгорает ради спасения Девочки Картонный Человечек. В сказке «Фарфоровая голова» жертвует собой кукла Мисюсь, не давая злой силе опустошить Землю.

Еще не известный голландцам тюльпан из первой повести обернется цветками с чудесными свойствами в «Бородинском пробуждении», «Самом счастливом дне», «Ксении», вышитым Марьичей на кошельке цветком иван-да-марья в «Ивановом чертеже» (этот подарок спас героя). Цветочно-букетный мотив особо значим в «Доме на горе». В этой же повести на передний план выходит и другой мотив прозы Сергиенко – звезд, созвездий, звездного неба. Оба этих мотива соединены и в повести-сказке «Картонное сердце»: волшебный, спасший Девочку цветок превращается в звезду: «Над прозрачными голубыми листьями разворачивался

невиданный цветок. Он был похож на звезду, упавшую с неба. Цветок сиял торжественным светом...» (Сергиенко, 1998, с. 99), – и у него астрономическое название астролябус (для «неразлучных» котов Умника и Проказника это растение – Корень Мудрости, для пса Лохматого – Белый корень). Целебное растение – и в повести «До свидания, овраг», сближенной с «Картонным сердцем» еще и образом оврага: умирающий Хромой просит спасительной «солёной травки», но место, где она росла, «давно завалено землёй и камнем» (Сергиенко, 1998, с. 47), Лохматый отправляется в Дремучий овраг, «где растёт Белый корень», от которого «сходят с ума все коты» (Сергиенко, 1998, с. 83). Образы котов и собак, в свою очередь, объединяют две эти книги с повестью «Жизнь на крышах».

В прозе Сергиенко заметны и другие мотивы, не так часто встречающиеся, как названные.

Вильгельм Оранский дарит Кеесу алый берет как «знак доблести» юного героя. Эта деталь станет важнейшей портретной характеристикой загадочных героинь в «Тетради в сафьяновом переплётё» и «Самом счастливом дне».

Голландская тема из первой повести и особенно Лейден отзвучивает в «Ксении» (в Лейдене происходит встреча Туренева «с братом короля Дании Христиана герцогом Шлезвиги и Голштинии принцем Иоганном»), «Ивановом чертеже» (юноша, осваивающий картографию в «закатных странах», осенью 1604 г. оказывается в Лейдене), «Днях поздней осени» (здесь эта тема выступает в функции лейтмотива).

К событиям и деятелям смутного времени, отраженным в романе «Ксения» и рассказе «Иванов чертёж», писатель обращается впервые в «Доме на горе». Друзья зовут героя Царевичем и Лжедмитрием, Данилов вспоминает о поездке с матерью героя в Суздаль и сравнивает ее с царевной Ксенией. Один из важнейших в этой и другой повести о любви – «Дни поздней осени» – мотив Моцарта и Сальери. Эти две книги, как и «Ксения» и «Иванов чертёж», выглядят двумя вариантами одного сюжета. Кроме отсылок к Моцарту и Сальери, их объединяют главные герои: Митя и Маша – ровесники; оба ведут дневники, переживают первую любовь, героинь зовут Машами; любовные треугольники: преподаватель Атаров – Маша – Митя, Алексей – Маша – Дима; там и здесь дача – одно из мест действия, «прибалтийские вояжи»; пушкинские образы, особенно «нежное имя Мария»; неизменные у Сергиенко звёзды. «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой» – эта характеристика автором «Евгения Онегина» Татьяны вполне приложима к Маше в «Днях поздней осени», близкой к сиротам в других книгах. Загадочные героини «Дома на горе» и «Самого счастливого дня» сближены именами: Леста, вероятно, – анаграмма имени Стелла (или наоборот). Звездная семантика этих имен, подчеркивающая их таинственность, соотнесена со «звездным» происхождением Мити Суханова (Данилов в неотправленных письмах называет «нашего мальчика» «сыном звезды» и вспоминает при этом Уайльда и Сент-Экзюпери) и Картонного Человечка – придуманным им появлением («Наверно, я упал оттуда, – я показал на небо. – Звёзды ведь тоже картонные, такие, как я» (Сергиенко, 1998, с. 89)). Мотив неопределенности связывает эту сказку (о цветке астролябусе: «Вырастает неизвестно где и неизвестно почему. Выглядит неизвестно как, но узнаётся сразу» (Сергиенко, 1998, с. 98), другие его обозначения – первоцветок, Белый Корень, Корень Мудрости; старый библиотекарь о Книге Цветов: «Книгу Цветов я видел в позапрошлом веке. Но это было много веков

назад, и я хорошо помню, что ничего не помню» (Сергиенко, 1998, с. 74); о Ключе Которого Нет: «Долго висел этот ключ, но всё же понадобился» (Сергиенко, 1998, с. 95)) с «Жизнью на крышах»: сударь Котёнок в своем послесловии, обращаясь к читателям, знающим, где взять дорогие и вкусные конфеты для своего папы, просил слать ответ на адрес «Нездешняя крыша, дом у трубы. Сударю Котёнку. До востребования» (Сергиенко, 1998, с. 245).

Итак, первая повесть К. Сергиенко является сюжетной моделью для последующих его книг. В ней представлен комплекс центральных сюжетобразующих мотивов в творчестве писателя: странничество сироты, дружба со спутниками, ответственность за судьбу отечества, жертвенность, мечта о справедливом мироустройстве, тайна героев, чудесный цветок. Позже к ним добавляется мотив звезд. Некоторые из факультативных мотивов становятся ведущими в отдельных книгах (мотивы малинового берета, Голландии, Моцарта и Сальери и др.). Бездомье, неустойчивость существования героев дает им возможность самореализации (открытия иной реальности, воплощения мечты, встречи с судьбоносным случаем), хронике событий перерастает в биографию, а потом и в автобиографию. В основе большинства произведений Сергиенко сюжеты плутовского, рыцарского романа и романа воспитания, осложненные другими сюжетами. В первой повести, например, значим сюжет европейской сказки о Караколе и Бистеколе (см.: [Семь старых французских сказок, 2019, с. 99–126]) и пьесы Т. Габбе «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах». «Ксения» представляет сергиенковскую версию сюжета о Борисе Годунове и Самозванце(-ах). В повести «Дом на горе» кульминационная сцена на даче связывает несколько сюжетных мотивов – мести сына за убийство отца (родителей), Моцарта и Сальери и отчасти Вертера. Здесь же, как и в «Белом ронделе», заметны элементы готического романа, а в повести «Увези нас, Пегас!» – вестерна. Сочетанию основных и периферийных, но способных выходить на передний план мотивов в каждой книге соответствуют особые, заслуживающие отдельного рассмотрения субъектная и пространственно-временная организация, система персонажей, соотношение устного и письменного рассказывания, прозы и стихов.

Исторические произведения и повести о любви сближены тем, что в тех и других человек показан в хаосе жизни (войны или мира); жестокая реальность, остро переживаемая юными героями, преодолевается дружбой и любовью к другому, тоже одинокому и неприкаянному. Глубинное, скрытое противостоит внешнему, явному; частное свидетельство не менее, а то и более правдиво и ценно, чем официальные версии исторических и повседневных событий. Устами героев писатель выражает протест против экзистенциального абсурда: см. рассуждения Мити Суханова о родителях как эндемиках, его же отчаянные выкрики в последний вечер на даче Корнеевых, школьное сочинение Маши Молчановой о своем предопределенном будущем.

В повести «Фарфоровая голова», написанной позже других произведений, иное сравнительно с ними строение сюжета. Кажется, только мотив жертвенности и звездный мотив, но здесь переосмысленный (представленный Чёрной планетой с разрушительной для Земли силой вместо, например «надзвездной, лежащей выше всех спасительной звезды» *stella maria maris* в «Доме на горе»), напоминают о «прежнем» Сергиенко. Несколько фабульных линий, безличное повествование, реминисцентно-аллюзивная насыщенность, отсутствие утопических чаяний и про-

ектов, их смена антиутопическими сомнениями выводят это произведение из ряда предыдущих. «Фарфоровая голова» не только исключение из правила, которое его подчеркивает, но и свидетельство поиска писателем новых путей в сюжетостроении. К ним, вероятно, привело писателя осознание неубедительности традиционных и освоенных им форм в изображении обостряющегося противостояния сил зла и добра, справедливости и жестокости. Переосмысление романтической позиции борьбы с хаотической действительностью и возвышения над ней сближает К. Сергиенко с В. Крапивиним, также обратившимся к фантастике и антиутопии в позднем творчестве (эта параллель вызвана двуадресностью книг – для детей и взрослых – писателей-современников). Вопрос Кати к исчезнувшей кукле «Где ты, Мисюсь?» акцентирует не столько чеховскую (и непреходящую человеческую) мечту о всеобщем счастье, сколько авторский скепсис в отношении будущего человечества: ведь смертельная для него опасность преодолена и равновесие в мире восстановлено не людьми, а птицами и куклой, воспитанной девочкой.

Список литературы

- Бахревский В.* «Пейзаж вечерний осенен догадкой...» // Сергиенко К. К. Бородинское пробуждение: Повесть. М.: Дет. лит., 1990. С. 5–12.
- Вахметса Айгар.* Послесловие // Сергиенко К. К. Белый рондель: Повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. С. 244–247.
- Лихачёв Д. С.* Размышления над романом Б. Л. Пастернака // Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Роман. Повести. Фрагменты прозы. М.: Сов. писатель, 1989. 468 с.
- Семь старых французских сказок / Пер. с фр. К. А. Рыбникова; лит. обработка К. К. Рыбникова. М.: Гелиос АРВ, 2019. 152 с.

Список источников

- Сергиенко К. К.* Кеес Адмирал Тюльпанов. Опасные и забавные приключения юного лейденца, а также его друзей, рассказанные им самим без хвастовства и утайки. Повесть. М.: Дет. лит., 1975. 256 с.
- Сергиенко К. К.* Белый рондель: Повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. 254 с.
- Сергиенко К. К.* Бородинское пробуждение: Повесть. М.: Дет. лит., 1990. 208 с.
- Сергиенко К. К.* Картонное сердце: Повести. СПб.: Лимбус Пресс, 1998. 256 с.

References

- Bakhrevsky V. "Pejzazh vechernij osenen dogadkoj..." [The evening landscape is overshadowed by a guess...]. In: Sergienko K. K. Borodinskoe probuzhdenie: Povesť [The Borodino Awakening. The story]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1990, pp. 5–12. (in Russ.)
- Likhachev D. S. Razmyshleniya nad romanom B. L. Pasternaka [Reflections on the novel by B. L. Pasternak]. In: Pasternak B. L. Doktor Zhivago. Roman. Povesti. Fragmenty prozy [Doctor Zhivago. Roman. Stories. Fragments of prose]. Moscow, Sovetskiiy pisatel' Publ., 1989, 468 p. (in Russ.)

Sem' starykh frantsuzskikh skazok [Seven old French fairy tales]. Trans. from French by K. A. Rybnikov; lit. prep. by K. K. Rybnikov. Moscow, Gelios ARV Publ., 2019, 152 p. (in Russ.)

Vahemetsa Ajar. Posleslovie [Epilogue]. In: Sergienko K. K. Bely rondel': Povest'-legenda [White Rondel: A Legendary Tale]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983, pp. 244–247. (in Russ.)

List of Sources

Sergienko K. K. Kees Admiral Tyulpanov. Opasnye i zabavnye priklyucheniya yunogo leydentsa, a takzhe ego druzey, rasskazannye im samim bez khvastovstva i utayki. Povest'. [Kees Amiral Tulips. Dangerous and funny adventures of a young Leiden... The story]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1975, 256 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Bely rondel': Povest'-legenda [White Rondel: A Legendary Tale]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983, 254 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Borodinskoe probuzhdenie: Povest' [The Borodino Awakening. Novella]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1990, 208 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Kartonnoe serdtse: Povesti [Cardboard heart. Stories]. St. Petersburg, Limbus Press, 1998, 256 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Николаевич Владимиров, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Oleg N. Vladimirov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor